

ТЕХНОЛОГИЯ ПРИСУЖДЕНИЯ НОБЕЛЕВСКИХ ПРЕМИЙ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

В.М.Тютюнник

Международный Информационный Нобелевский Центр (МИНЦ),
г. Тамбов, Россия

Ежегодно в течение сентября Нобелевский Комитет по литературе Шведской Академии в Стокгольме рассылает предложения и формы бюллетеней для выдвижения кандидатов на Нобелевскую премию следующего года всем тем, кто имеет на это право, - номинаторам, которыми (согласно Статутам Нобелевского Фонда 1900 года, дополненным специальными правилами 22 февраля 2002 г.) могут быть: 1) члены Шведской Академии (18 шведов) и других академий, организаций и обществ, аналогичных ей по членству и целям; 2) профессора по литературе и лингвистике в университетах и университетских колледжах мира (поначалу также университетские преподаватели эстетики, литературы и истории; в 1949 г. уточнялась категория преподавателей: «профессора литературы и филологии в университетах и университетских колледжах»); предусматривалось право Нобелевского Комитета «высказывать свое мнение по вопросу присуждения премий», а Нобелевскому институту предоставлялась библиотека, в которой должна была быть значительная коллекция, в основном, современной литературы); 3) нобелевские лауреаты по литературе прошлых лет; 4) президенты организаций авторов, которые представляют литературную деятельность в своих странах.

Письменные предложения, содержащие кандидатуры на Нобелевскую премию, должны быть возвращены в Нобелевский Комитет не позднее 31 января года присуждения премии. Обычно рассылают до двух тысяч предложений, а возвращаются заполненными лишь 15-20%; например, в 2004 г. рассматривалось 203 кандидатуры, в 2003 – 200, в 2002 – 228, в 2001 – 182, в 2000 – 193, а в 1967 г. – всего 70. Выдвигать можно только конкретных личностей. Каждый номинатор вносит одно предложение в год. Выдвижение самого себя не принимается во внимание, хотя такие смешные случаи встречались. Принимаются предложения лишь на определенных языках – шведском или других скандинавских, английском, немецком, французском и латинском. Нобелевский Комитет начинает свою подготовительную работу с 1 февраля, проводя многочисленные обсуждения, экспертизы, анализы, совещания и т.п. по каждому предложению номинаторов, привлекая, если нужно, специальных экспертов. Эта сложнейшая работа должна быть завершена к середине июня, и обоснованные предложения Нобелевского Комитета (за каждого кандидата голосуют открыто) направляются в Награждающую Организацию – Шведскую Академию¹, которая принимает окончательное решение на общем собрании тайным голосованием не позднее 15 ноября. Обычно стараются принять решения о присуждении Нобелевской премии до 21 октября – дня рождения А.Нобеля. Решения являются окончательными и никаким обжалованиям не подлежат. Вся процедура ведется в строжайшей тайне, всеобщим достоянием становятся только лауреаты текущего года. Остальные кандидаты (впрочем, как и номинаторы, эксперты, количество бюллетеней, результаты голосований, противоречия и т.п.) остаются в секрете в течение 50 лет. Любое предварительное просачивание сведений о предполагаемом кандидате в средства массовой информации приводит к снятию его имени с рассмотрения. Преодолев основательные бюрократические сложности и будучи специалистом по истории литературы, в 2007 г. можно познакомиться с этими секретами лишь за 1901-1956 гг. Поэтому, когда встречается в прессе, что такого-то будто бы «обошел» лауреат, стоит относиться к этому, как к домыслу журналистов.

Первая задача Комитета – сократить «длинный список» кандидатов, представляемый Академией в апреле, от 200 до 15 человек. К концу мая этот «промежуточный список» уменьшается до «короткого списка» из 5 человек. Работы этих финалистов составляют летние чтения Академии. На первом совместном заседании в середине сентября сразу же начинается обсуждение, решение принимается в октябре. Естественно, прочитать произведения пяти писателей слишком тяжело за два месяца, но большинство имен предыдущего короткого списка рассматривается в текущем году, что делает задачу более приемлемой. Следует добавить, что еще недавно кандидат первого года не устаивался премии в том же году. Грубый просчет Академии был в 1938 г. с П.Бак: кандидат первого года была выдвинута меньшинством Комитета 19 сентября, и вскоре получила премию без должного рассмотрения.

---

¹ Не путать с Королевской Шведской академией наук, которая присуждает премии по физике, химии и экономическим наукам. – *Прим.авт.*

Что действительно имел в виду А.Нобель в своём завещании под «идеалистическим» произведением, до сих пор является предметом споров. Фактически, вся история премии по литературе – это попытки интерпретировать неясность в завещании. Последовательные этапы в этой истории отражают взгляды самой Академии, которые постоянно менялись. Как показал С.Аллен, прилагательное «идеальный», относящееся к «идеалу», использовалось некоторыми современниками А.Нобеля; одним из них был А. Стриндберг. Это слово добавлено А.Нобелем в его рукописное завещание. По видимому, он написал «idealirad», имея в виду «idealiserad» (идеализированный), но остановился, думая как лучше написать, и добавил «sk» над последними буквами «rad», и получилось слово «idealisk». С.Аллен сделал вывод, что А.Нобель имел в виду «стремление к идеалу» и определил сферу идеала, ставшего общим критерием для всех Нобелевских премий: они присуждаются тем, кто «принесет наибольшую пользу человечеству». «Это означает, – добавил Аллен, – что произведения, хотя и блестяще написанные, но поддерживающие, скажем, геноцид, не заслуживают премии согласно завещанию».

В завещании А.Нобеля сказано, что одна премия будет присуждена «представившему лучшее литературное произведение идеалистической направленности». Эти слова показывали лиризм и романтизм самого А.Нобеля, который был соткан из парадоксов. В «Статутах» изложены выдержки из завещания А.Нобеля. Там сказано, что «под термином “литературное произведение” надо понимать не только произведение исключительно литературное, но вообще всякое сочинение, имеющее форму и слог литературный». Этим объясняется факт, что нобелевскими лауреатами стали три философа – в 1908 г. Р.Эйкен (Германия), в 1927 г. А.Бергсон (Франция) и в 1950 г. Б.Рассел (Англия), а также известные историки – в 1902 г. Т.Моммзен (Германия) и в 1953 г. У.Черчилль (Англия). По «Статутам», умерший писатель не может быть награжден премией. Это требование соответствует намерениям А.Нобеля, ибо он сам писал, что «его естественное желание не в том, чтобы ставить памятники умершим, а в том, чтобы помогать в нужде многообещающим из живущих». Два писателя отказались от присуждения им премии: в 1964 г. – французский писатель и философ Ж.-П.Сартр и в 1958 г. – советский писатель и переводчик Б.Л.Пастернак, который был принужден к этому руководством страны; в 1989 г. диплом и медаль лауреата были вручены сыну писателя – Е.Б.Пастернаку.

Нобелевскую премию по литературе можно разделить между двумя, но не тремя кандидатами. В истории присуждения премии по литературе было четыре случая, когда два кандидата при голосовании получили одинаковое количество голосов и, таким образом, четыре раза было по два лауреата: в 1904 г. – Ф.Мистраль (Франция), Х.Эчегарай-и-Эйсагирре (Испания); в 1917 г. – К. Гьеллеруп (Дания), Х.Понтонпидан (Дания); в 1966 г. – Ш.Агнон (Израиль), Н.Закс (немецкая писательница, жившая в Швеции); в 1974 г. – Э.Юнсон (Швеция), Х.Мартинсон (Швеция).

Хотя А.Нобель мечтал «помочь многообещающим» молодым писателям, на деле всё оказалось иначе. Если посмотреть по десятилетиям, то средний возраст лауреатов по литературе выглядит так: 1901-1910 гг. – 66; 1911-1920 гг. – 57; 1921-1930 гг. – 58,5; 1931-1939 гг. – 58,5; 1944-1950 гг. – 66; 1951-1960 гг. – 63; 1961-1970 гг. – 65; 1971-1980 гг. – 68; 1981-1990 гг. – 78; в 1991-2000 гг. – 66; 2001-2005 – 76 лет. Картина налицо.

В своем завещании А.Нобель подчеркнул, что «воля моя такова, чтобы при распределении премии не делалось различия между национальностями, чтобы премии присуждались найдостойнейшему, без отношения к тому, скандинав он или нет». Никакой системы, по которой можно было бы прогнозировать нового лауреата, беря за критерий язык, на котором пишет писатель, пока увидеть не удается.

Решения Шведской Академии встречаются мировой общественностью по-разному, иногда и с негодованием, ибо писатель, получивший Нобелевскую премию, не всегда хорошо известен в мире. Это можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, для оценки художественных произведений не действуют никакие эталоны или правила – это сугубо субъективное понятие. Во-вторых, художественные произведения, чтобы с ними познакомились все страны, требуют перевода, а наличие перевода – часто тоже субъективное явление: каждый переводчик выбирает для себя любимого писателя и любимое произведение. Переводы часто уступают в художественном смысле оригиналам, теряют национальный колорит и значимость, становятся плохо понятными другим народам, да и нередко делаются из конъюнктурных соображений. Полного единодушия по каждому решению Шведской Академии и нельзя ожидать. Но надо отметить, что не всех писателей Нобелевская премия сделала известными. Есть лауреаты, которые в момент присуждения лишь блеснули звездами на литературном небосклоне, а сегодня их знают только литературоведы и любители, но не

широкие массы читателей. Так судьба обошлась с А.Сюлли-Прюдомом, В.Хейденстамом, Г.Гьеллерупом, Г.Понтопиданом, К.Шпиттелером и некоторыми другими.

Мотивируя свой выбор, Шведская Академия подбирает такие общие слова, которые не всегда могут раскрыть индивидуальность писателя, но в тоже время подчеркивают главную мысль творчества награждаемого. Из 101 лауреата Нобелевской премии по литературе только восьми писателям в решениях были упомянуты конкретные произведения. Были случаи, когда новое произведение писателя не только ему не помогло, но наоборот – помешало стать лауреатом. Каждый лауреат должен сказать во время банкета несколько слов – так называемую «маленькую Нобелевскую речь». Основную Нобелевскую лекцию, которая транслируется по радио и телевидению, а затем широко публикуется, лауреат читает перед получением премии или после торжества. По содержанию и стилю Нобелевские лекции столь же разнообразны и уникальны, сколь и литературные произведения самих лауреатов. После торжеств лауреаты вступают в новый период своей жизни – «нобелевский», который почти всегда психологически, морально и профессионально сложен, ответственен. Полученная денежная сумма является немалой и для писателя бывает подспорьем к имеющемуся положению, несмотря на то, что обычно премию получают в пожилом возрасте и будучи знаменитым.

В 1900 г. два члена Шведской Академии резко высказались против того, чтобы заниматься наследством Нобеля, утверждая, что это отвлечет Академию от обязанностей и превратит в «космополитический трибунал в области литературы». Они по-своему были правы, потому что в то время Академия не была готова для решения такой щекотливой задачи. Против них выступил постоянный секретарь, К.Д. оф Вирсен [1], заявив, что данный подход лишит «выдающихся представителей континентальной литературы» исключительного признания и вызовет серьезные обвинения в адрес Академии за то, что она упустила «замечательную возможность влиять на мировой литературный процесс». К этому он добавил, что присуждение премий отвечает целям Академии: необходимо знать лучшее в литературе других стран, чтобы судить о литературе в собственной стране. Это был убедительный аргумент, который заставил большинство согласиться. К.Вирсен и его сторонники получили неожиданную возможность влиять на политику в области культуры мирового литературного творчества, и в полной мере, как он писал в своём письме, «воспользоваться величайшими возможностями, которые предоставляет завещание Нобеля “восемнадцати”».

Можно выделить восемь этапов в истории присуждения Нобелевской премии по литературе. *Первый этап* (1901-1912) несёт печать секретаря К.Вирсена, понимавшего нобелевскую фразу как «возвышенный и здоровый идеализм». Завещание Нобеля дало К.Вирсену, прозванному «Дон Кихотом шведского романтического идеализма», возможность проводить его провинциальную кампанию в области международной литературы. Такая интерпретация была явно далека от того, что имел в виду Нобель: он, конечно, разделял антипатию К.Вирсена к писателям, подобным Э.Золя, но был радикально антиклерикальным, принимая утопический идеализм П.Шелли и религиозно окрашенный дух революции. *Следующую главу* в истории премии по литературе (1913-1919) можно озаглавить «Политика литературного нейтралитета». Политика, которую проводил новый председатель Нобелевского Комитета по литературе в начале первой мировой войны, была направлена на присуждение премий представителям не крупных воюющих держав, а малых наций. *Третий период* (приблизительно 1920-е гг.) можно назвать «Великим стилем». К тому времени Академия избавилась от узкого определения «идеалистического направления». В 1921 г. эта оговорка завещания объяснялась, как «гуманность от всей души», давшая дорогу таким писателям, как А.Франс и Дж.Б.Шоу – оба отвергнуты на раннем этапе. В 1930-е гг. у Академии наметился новый подход, в котором под «пользой для человечества» понималась популярность рассматриваемого произведения. Если раньше в качестве критерия комитет выдвигал «всеобщий интерес», то теперь Академия ограничивалась популярными писателями, подобными С.Льюису и П.Бак, отвергая таких сложных поэтов, как П.Валери и П.Клодель. В *пятый период* (1940-1978), вдохновленная своим новым секретарем А.Устерлингом, послевоенная Академия перестала заигрывать с популярным вкусом, сконцентрировавшись на том, что называли «пионерами». Как и в естественных науках, лауреатов по литературе надо было искать среди тех, кто прокладывал дорогу к новым идеям. Это другая интерпретация постулата «величайшей пользы для человечества»: идеальным кандидатом был тот, кто предоставлял мировой литературе новые возможности в области идей и языка. В эпоху Устерлинга слово «идеалистический» получило ещё более широкое толкование. Однако этот критерий потерял значение, когда смелый международный авангард стал достоянием истории, а литературное новшество – менее показательным. Вместо этого акцент сместился на «пионеров» в области языка. *Шестой период* (1979-...) – это «прагматическое рассмотрение»,

определенное новым секретарем Л.Гюлленстеном, – во внимание снова принималась «польза» премии. Всё большее количество членов Академии склонялось к тому, что следует обратить внимание на существование хороших, но неизвестных национальных литератур, знакомя, таким образом, мировую аудиторию с шедеврами, которые она бы не увидела, и одновременно воздавая должное тому или иному таланту. *Седьмой период* (1980-...) начался почти одновременно с предыдущим и ознаменовался введением новой политики. Как и прежде, завещание Нобеля трактовалось как обращение ко всему миру: национальность кандидата не имела значения, следовало выбирать наиболее достойного, «независимо от того, скандинав он или нет». Однако задача изучения литературы всего мира была почти невыполнимой, и долгое время Академию справедливо критиковали за то, что она сделала премию европейской. К.Вирсен явно тяготел, как можно заметить, к «великим фигурам континентальной литературы». В 1920-е гг. было определено, что премию надо «присуждать за литературу всего мира», но не было средств для осуществления этой идеи. В 1930-е гг. не было разумных выдвижений кандидатов от азиатских стран, а Академия в то время ещё не разработала собственную систему изучения неевропейской литературы. Премия Я.Кавабате в 1968 г. демонстрирует исключительные трудности в составлении мнения о литературе на неевропейских языках – это было делом семи лет, потребовавшим усилий четырёх международных экспертов. Однако в 1984 г. Л.Гюлленстен заявил, что у Академии постепенно растёт внимание к неевропейским писателям; делаются попытки «добиться глобального распределения» премий. Кроме того, были приняты меры по усилению компетенции для выполнения этой международной задачи. Политика евроцентризма в Академии существенно изменилась с выбором В.Шойинки из Нигерии в 1986 г. и Н.Махфуза из Египта в 1988 г. Позже премию получили Н.Гордимер из Южной Африки, К.Оэ из Японии, Д.Уолкотт из Сент-Люсии в Западной Индии и Т. Моррисон – первая афроамериканка в списке лауреатов. Критики часто не обращали внимания на стремление Академии к политической честности. Естественно, международная премия может влиять на политику, но она не должна иметь никакого политического *намерения*. Обсуждаемые критерии иногда чередуются, иногда совпадают. *Восьмой период* (1990-...) расширил интерпретацию «идеалистического направления». Л.Гюлленстен указал, что это выражение «не следует понимать так буквально... Имеется в виду, что, как правило, серьёзная литература, заслуживающая премии, обогащает человека знаниями о себе и окружающем мире, пытается улучшить его жизнь». Кандидатура К.Села снова подвергла это положение проверке. Его мрачная концепция мира была посвящена той же проблеме, что рассматривал С.Беккет. Премия была дана «за богатую и сильную прозу, которая в сдержанной форме объясняет человеческую ранимость». Как сказал в своем выступлении К.Анлунд, работа Села «никоим образом не теряет симпатии или простого человеческого чувства до тех пор, пока мы не потребуем, чтобы эти чувства были выражены как можно проще». В этом «до тех пор» мы видим существующий в недавней практике скрытый отказ от ранней узкой интерпретации завещания. Нобелевская премия по литературе постепенно стала *литературной* премией. Некоторым напоминанием о политике прошлого является уважение, отдаваемое тем великим художественным достижениям, которые характеризуются бескомпромиссной «честностью» в изображении трудных жизненных ситуаций.

Нобелевский Комитет – это рабочий орган из трех-пяти человек, выбираемых из членов Шведской Академии (иногда выбирают одного человека со стороны). Его задача – изучить сделанные предложения и весь имеющийся литературный материал, чтобы выбрать кандидатов для рассмотрения Академией. Прежде Комитет представлял только одну кандидатуру на суд Академии, которая обычно подтверждала этот выбор. (Хотя были исключения: в 1913 г. Академия предпочла Р.Тагора, а в 1927 – А.Бергсона). С 1970-х гг. члены комитета стали сообщать своё личное мнение, что даёт Академии возможность более дифференцированно подходить к обсуждению кандидатур.

В Шведской Академии лингвистическая компетентность была, как правило, высокой. Французский, английский и немецкий языки не вызывали проблем, а некоторые члены Академии были прекрасными переводчиками с итальянского и испанского. Для работы в Академии привлекались выдающиеся востоковеды, в настоящее время имеются специалисты по русской литературе. Кроме того, увеличилась точность исследования с помощью специалистов в различных сферах.

Литературная премия часто, особенно во время холодной войны, давала повод для обсуждения её политического смысла. Шведская Академия, со своей стороны, во многих случаях выражала желание оставаться в стороне от политических антагонизмов. Ведущим был принцип «политической честности». Этому часто не понимали. Особенно Востоку было трудно осознать автономную позицию Шведской Академии по отношению к государству и

правительству. На самом деле, Академия не получает никакой субсидии от государства и не позволяет никакого вмешательства в свою работу. Правительство, в свою очередь, радо оставаться в стороне от деликатных «нобелевских дел». Естественно, у любой международной литературной премии есть политический аспект. Однако важно отличать её политическое *влияние* от её политического *намерения*. Первое – неизбежно и часто непредсказуемо. Второе строго запрещено Академией. История литературной премии знает случай 1953 года, когда Академия была на грани этой опасной черты: имеется в виду премия У.Черчиллю. За последние десятилетия также наблюдались случаи кажущихся «политических» премий – награда Ч.Милошу или А.Солженицыну. Бескомпромиссная честность и призыв к объединению вокруг человеческих ценностей – это те качества, которые (в сочетании с огромными художественными достижениями) ищет Шведская Академия, следуя духу нобелевского завещания. Часто этот подход вступал в противоречие с марксистско-ленинской эстетикой, считающей его простой маскировкой политических намерений. Процесс оценивания, будучи «прежде всего, делом литературы», конечно, не исключает постепенное формирование стратегии. Подобная стратегия прослеживается в последовательности имен Зингер-Милош-Канетти-Сейферт. В многострадальной Центральной Европе появился ряд писателей, выступивших, опираясь на свой горький опыт, на стороне основных человеческих ценностей, что совпадает с гуманистической традицией Нобелевской премии. Премия, в конечном итоге, вручается не за отношение к жизни, не за культурные корни и деяния; премия присуждается как дань уникальной художественной силе, с помощью которой человеческий опыт находит отражение в литературе, в культуре литературного творчества.

История литературной премии – это также история её освещения в средствах массовой информации. Критики не только не замечают изменений во взглядах и критериях Академии, они не понимают ежегодной проблемы выбора среди равных кандидатур. Академия не может стремиться к тому, чтобы наградить всех достойных писателей. Что она не может себе позволить, так это присудить нобелевские лавры незначительному таланту. Среди упущений часто отмечают, что премию не получили такие-то и такие-то (далее следует список действительно талантливых писателей), но премия одна, а кандидатов множество; к тому же, часто внимательное рассмотрение претензий приводит к приемлемым объяснениям.

Последняя литературная премия XX в. присуждена Г.Грассу. Выбор получил всеобщее одобрение, но время присуждения ставилось под сомнение. Премия 1999 г. – показатель того, насколько жюри продвинулось вперед, чтобы сделать Нобелевскую премию по литературе *литературной* наградой. Трудно представить, что современная Академия объявит моральные ценности выше экспериментального искусства, как это имело место в 1972 г. Изжиты также политические пристрастия, которые сделали последний роман Г.Грасса яблоком раздора в своей стране.

С 1901 г. литературная премия совершила поучительное путешествие по истории мировой литературы. К началу нового века она стала той премией, о которой говорит её имя. Присуждения начала XXI века только подтверждают этот вывод: премиями награждены писатели Китая, Великобритании, Венгрии, ЮАР, Австрии и Турции.

В 2000 году я взял на себя смелость осторожно предположить (по результатам тщательного анализа присуждений за 100 лет и в качестве перспективы для Шведской Академии), что *Нобелевской премии по литературе бесспорно достойны лишь те литераторы мира, которые выявляют, ставят и художественными средствами решают в своих произведениях не узко национальные, а общечеловеческие ценности*. В этом, на мой взгляд, и состоит культура литературного творчества. Когда эта идея была предложена членам Шведской Академии, из уст одного из них прозвучала фраза: «Как это ни парадоксально, но, возможно, вы и правы».

Литература

1. Espmark, Kjell. The Nobel Prize in Literature. A Study of the Criteria behind the Choices / Kjell Espmark. – Boston: G.K.Hall & Co., 1991.